

JOLANTA BRZYKCY

«ВОИЮЧАЯ, ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ, ЗАСАСЫВАЮЩАЯ ТИНА».
ВОЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ В ЕЛАБУГУ, ЧИСТОПОЛЬ И ТАШКЕНТ
В ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ ГЕОРГИЯ ЭФРОНА
1941–1943 ГОДОВ

Абстракт. Предметом исследования в данной статье являются дневники и письма Георгия Эфрона 1941–1943 годов. Цель анализа – воссоздать содержащиеся в них образы эвакуации сына Марины Цветаевой из Москвы во время Великой отечественной войны и его пребывания в Елабуге, Чистополе и Ташкенте с 1941 по 1943 год. Записки и письма автора свидетельствуют о том, что два года, проведенные им в Татарской и Узбекской ССР, были отмечены не только травмой самоубийства матери, но и крайне тяжелыми условиями жизни, постоянным голодом, одиночеством и болезнями. В примитивных условиях советской провинции Эфрон, имевший литературные амбиции, был также лишен возможности продолжить образование на должном уровне и развивать свои широкие культурные интересы. Проанализированные эгодокументы разоблачают бытующий и сегодня в российском общественном сознании миф об военной эвакуации в Ташкент как о периоде братания советской интеллигенции с узбеками, о героической жертвенности и единстве обоих народов в борьбе с немецкими захватчиками.

Ключевые слова: Георгий Эфрон; эгодокументы; Отечественная война 1941–1945 гг., эвакуация в Елабугу, Чистополь и Ташкент; мифы Отечественной войны 1941–1945 гг.

«ŚMIERDZĄCE, PROWINCJONALNE, WCIĄGAJĄCE GRZĘZAWISKO».
WOJENNA EWAKUACJA DO JEŁABUGI, CZYSTOPOLA I TASZKIĘTU
W DZIENNİKACH I LISTACH GIEORGIIA EFRONA LAT 1941–1943

Abstrakt. Przedmiotem badań podjętych w artykule są dzienniki i listy Gieorgija Efrona z lat 1941–1943. Celem analizy jest rekonstrukcja zawartych w nich obrazów wojennej ewakuacji syna Mariny Cwietajewej z zagrożonej przez wojska niemieckie Moskwy oraz jego pobytu w Jełabudze,

Иоланта Бжикцы, доктор хаб., проф. Университета Николая Коперника – Университет Николая Коперника, Гуманитарный факультет, Институт литературоведения, Кафедра Славянских Литератур; e-mail: tomine@umk.pl; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9563-0723>.

Dr hab. JOLANTA BRZYKCY, prof. UMK – Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Wydział Nauk Humanistycznych, Instytut Literaturoznawstwa, Katedra Literatur Słowiańskich; e-mail: tomine@umk.pl; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9563-0723>.

С указанием авторства-Некоммерческая-С сохранением условий версии 4.0 Международная (CC BY-NC-SA 4.0)

Czystopolu i Taszkencie w latach 1941–1943. Z zapisków i listów autora wynika, że dwa lata spędzone w Tatarskiej i Uzbeckiej SRR były naznaczone nie tylko traumą po samobójczej śmierci matki, ale także ekstremalnie trudnymi warunkami bytowymi, nieustannym głodem, skrajnym osamotnieniem i poważnymi chorobami. W prymitywnych warunkach sowieckiej prowincji Efron, mający ambicje literackie, był również pozbawiony możliwości kontynuowania nauki na odpowiednim poziomie i rozwijania swoich szerokich zainteresowań kulturalnych. Analizowane egodokumenty demaskują funkcjonujący do dziś w rosyjskiej świadomości społecznej mit wojennej ewakuacji w Taszkencie jako okresu zbratania sowieckiej inteligencji z Uzbekami oraz heroicznej ofiarności i jedności obu narodów w walce z niemieckim najeźdźcą.

Słowa kluczowe: Georgij Efron; egodokumenty; wojna ojczyźniana 1941–1945; ewakuacja do Jelabugi, Czystopola i Taszkentu; mity wojny ojczyźnianej 1941–1945

«STINKY, PROVINCIAL, DRAGGING SWAMP».
MILITARY EVACUATION TO YELABUGA, CHISTOPOL' AND TASHKENT
IN THE DIARIES AND LETTERS OF GEORGY EFRON (1941–1943)

Abstract. The subject of the research in this article is Georgy Efron's diaries and letters from 1941–1943. The aim of the analysis is to reconstruct the images of the wartime evacuation of the son of Marina Tsvetaeva from Moscow, threatened by German troops, and his stay in Yelabuga, Chistopol' and Tashkent in 1941–1943. The author's notes and letters reveal that two years he spent in the Tatar and Uzbek SSR were marked not only by the trauma of his mother's suicide, but also by extremely difficult living conditions, constant hunger, extreme loneliness and serious disease. In the primitive conditions of the Soviet provinces, Efron, who had literary ambitions, was also deprived of the opportunity to continue his education at an adequate level and to develop his broad cultural interests. The analysed egodocuments expose the myth of the wartime evacuation in Tashkent, which functions to this day in the Russian public consciousness, as a period of the Soviet intelligentsia's fraternisation with the Uzbeks and the heroic sacrifice and unity of both peoples in the fight against the German invaders.

Key words: Georgy Efron; egodocuments; Great Patriotic War 1941–1945; evacuation to Yelabuga, Chistopol' and Tashkent; myths of the Great Patriotic War 1941–1945

Отношение литературоведов к эго-документам в значительной степени изменилось за последние пятьдесят-шестьдесят лет. Сам термин, предложенный Жаком Прессером в 1950-годы и вошедший в широкий научный обиход в 1980-е годы, в настоящее время является в социально-гуманитарных науках общепонятным и в принципе общепризнанным¹. Подразумеваемые под ним тексты: дневники, мемуары и письма прошли длинный путь от незатейливой бытовой практики (личной или социальной, адресованной читательской аудитории) или формы коммуникации, хранящихся в домашних

¹ Больше на эту тему см.: Yuriy Zarietskiy, «Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya», *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3 (2021): 184–199.

архивах и остающихся вне научного интереса, к самостоятельному объекту исследований.

Их нобилизация произошла одновременно и в литературоведении, в котором эго-документы из «квазилитературы» превратились в четвертый, после классических лирики, эпики и драмы, литературный род², и в исторических науках, благодаря становлению микроистории и истории повседневности как отдельных сфер научных исследований. С одной стороны, эго-документы стали восприниматься как художественный текст, отличающийся определенной поэтикой, своеобразием стилистических и композиционных приемов, индивидуальным образом автора и изображаемого им мира. С другой – получили статус исторического источника, обладающего не только культурологической ценностью, но и научно-познавательной значимостью. Если раньше эго-документы употреблялись лишь как «иллюстрация к макроистории», дополнительный материал к исследованиям государственной политики, глобальных общественных и экономических структур и процессов, то в настоящее время они предстают как полноправный исторический источник, не менее достоверный и ценный, чем официальные документы³, несмотря на присущую ему субъективность восприятия действительности и передачи информации.

Одним из таких значимых персонализированных свидетельств истории, опубликованным в последнее время в России⁴, затем в переводах на французский⁵, немецкий⁶ и польский⁷ языки, стали дневники и письма

² Roman Zimand, *Diarysta Stefan Ż.* (Wrocław: Ossolineum, 1990).

³ Cp.: Hans Medick, «Mikroistoriya», perevod T. I. Dudnikovoy, *Thesis*, no. 9 (1994): 193–202; Natalya Georgiyeva, «Memuary kak fenomen kul'tury i kak istoricheskiy istochnik», *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, seriya: Istoriya Rossii, no. 1 (2012): 126–138; Władysław Szulakiewicz, «Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych», *Przegląd Badań Edukacyjnych* 1, nr 16 (2013): 65–84.

⁴ Georgiy Efron, *Pis'ma*, sost., podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina (Kaliningrad: Luch, 1995); Georgiy Efron, *Pis'ma* (Moskva: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy, Bol'shevo: Muzei M. I. Tsvetaevoy, 2002); Georgiy Efron, *Dnevnik. V dvukh tomakh*, podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina, Veronika K. Losskaya (Moskva: Vagrius, 2004); Georgiy Efron, *Neizvestnost' budushchego. Dnevnik i pis'ma 1940–1941 godov. S risunkami avtora (publikuyutsa v pervye)*, podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina, Veronika K. Losskaya, A.I. Popova (Moskva: AST i RGALI, 2018); Georgiy Efron, *Zapiski parizhanina. Dnevnik, pis'ma, literaturnye opyty 1941–1944 godov. S risunkami avtora (publikuyutsa v pervye)*, podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina, Veronika K. Losskaya, A.I. Popova (Moskva: AST i RGALI, 2018).

⁵ Gueorgui Efron (Murr), *Journal (1939–1943)*, traduit du russe par S. Goblot, préface, notes et révision de la traduction Véronique Lossky, postface Caroline Bérenger (Genève: Éditions des Syrtes, 2014).

⁶ Georgij Éfron, *Tagebücher. Band I (1940–1941), Band II (1941–1943)*, aus dem Russischen und Französischen übersetzt von Gertraud Marinelli-König (Wien: Hollitzer Verlag, 2022).

⁷ Gieorgij Efron, *Dzienniki 1940–1943*, t. I–III, przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe Gregorz Ojcewicz (Szcztytno: Wydawnictwo «GregArt», 2019–2021); Gieorgij Efron,

Георгия Эфрона (1925–1944), единственного сына Марины Цветаевой. Их ценность состоит не только в повествовании из первых рук о последнем, трагическом периоде жизни поэтессы и ее самоубийственной смерти, но и в тех автобиографических аспектах, которые указывают приобщенность молодого Мура, как его звали в семье, к историческим событиям: отечественной войне 1941–1945 годов, в том числе прежде всего эвакуации в Елабугу, Чистополь и Ташкент.

Жизнь граждан СССР, эвакуированных в Татарскую и Узбекскую советскую республику, обросла мифами, как и многие другие аспекты отечественной войны. Подчиненная центральному мифу т. наз. Великой Победы и жертвенности многонационального советского народа в борьбе с фашистами, эвакуация записалась в памяти и постпамяти советского, российского и узбекского обществ фрагментарно и селективно. Немалую роль в этом сыграли историки, односторонне освещающие многогранную картину эвакуации. Во многих исторических трудах, в том числе и новейших, повторяются высокие и одновременно трафаретные фразы о братской дружбе, единстве и сплоченности народов всех союзных республик СССР, о подвигах самоотверженности и преданности Родине, о «межнациональном согласии и сближении культур как ресурсе победы»⁸, о духовной красоте узбеков, спасших от голода и смерти эвакуированных, в том числе и цвет научной и художественной интеллигенции России, Украины и Белоруси. Полностью замалчиваются или бегло сигнализируются темные стороны эвакуации: ее неорганизованность и хаотичность, бюрократические затруднения, примитивные бытовые условия, острый дефицит продуктов и товаров, карточная система, вопросы культурного шока и т.п.⁹

68 listów z piekła sowieckiego raju. 1940–1944, przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe Grzegorz Ojcewicz (Szczytно: Wydawnictwo «GregArt», 2022).

⁸ Alimova Dilorom, «Paradoksy vojny: mezhnatsyonal'noe soglasiye i sblizheniye kul'tur, kak resurs pobedy», *Eshelony idut na vostok. Evakuatsiya v Uzbekistan v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvashchonnoy 75-letyu Velikoy Pobedy* (Orenburg: ООО ИПК «Universitet», 2019), 19.

⁹ См. к примеру вышеуказанную монографию *Eshelony idut na vostok...* или статью: Ol'ga Germanova Zhukova & Zebunnisoi Bohirzod Saidpur, «Evakuatsiya rossiyskoy intelligentsii v Uzbekistan kak paradoks povsednevnosti Velikoy otechestvennoy vojny», *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (2021): 59–69. Авторы последней рассматривают заглавную тему в топорном империльном ключе: «С одной стороны это было время бытовых лишений и страданий, с другой стороны, своим приездом в Среднюю Азию деятели культуры способствовали укреплению российско-узбекских связей и повышению уровня культуры местного населения» (с. 59), «В ту пору в Средней Азии наступила [...] новая веха в развитии культуры» (с. 61), «Узбекистану удалось шагнуть из средневековья в современный мир» (с. 66).

«Непарадное» лицо эвакуации одной из первых указала Наталья Громова в книге *Ноев ковчег писателей*, составленной из эго-документов эвакуированных. Проанализировав их воспоминания, письма и дневники, исследовательница обратила внимание на то, что:

Эвакуация была так же трагична, как и война; вывозили детей, больных, стариков; люди голодали, умирали вдали от дома. В городах и поселках, куда их привозили, было тяжело. Местные жители, лишенные средств, сами годами жившие впроголодь, теснившиеся большими семьями в уплотненных квартирах или домах, по разнарядке обязаны были подселить огромный поток беженцев в свои дома, а порой и освобождать приезжим комнаты, ютись в углах.

[...] Часто было так, что советские литераторы оказывались [...] в эвакуации лицом к лицу со страной, которую не знали, или стали забывать, какая она на самом деле... Многие испытали шок [...].

Государственная машина, приводящая в движение множество деталей огромного механизма, на большой скорости вдруг стала буксовать, останавливаться, тормозить и наконец остановилась совсем. Люди оказались предоставлены сами себе. Они должны были самостоятельно не только организовывать свою жизнь, искать кусок хлеба, но и ориентироваться в происходящем¹⁰.

По мнению Громовой

Интонация дневников, писем, записных книжек резко отличается от послевоенных воспоминаний о тех годах. Ностальгические нотки зазвучат потом, а в тот момент, судя по всему, состояние большинства эвакуированных в Ташкент было иным¹¹.

Эго-документы Эфрона играют существенную роль в процессе рассекречивания настоящего, т.е. полного и неидеализированного образа эвакуации. Мур, приехавший пятнадцатилетним парнем вместе с матерью в Советский Союз в июне 1939 года и затем разделивший с ней все удары, нанесенные семье Цветаевых-Эфрон сталинской тоталитарной системой, прожил в эвакуации последних два с небольшим года своей короткой, длившейся неполных двадцать лет, жизни.

Хотя ни французскую, ни тем более советскую жизнь Эфрона довоенного периода нельзя назвать налаженной, из-за начавшегося уже во Франции распада семьи и позднейших репрессий сталинского аппарата (ареста НКВД

¹⁰ Natal'ya Gromova, *Noyev kovcheg pisateley. Evakuatsiya. 1941–1945. Chistopol'. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata* (Moskva: Corpus, 2019): 6–8.

¹¹ Gromova, *Noyev kovcheg pisateley*, 215.

отца и сестры в 1939 году), эвакуация окончательно разрушила мир молодого человека. Размеры дестабилизации видны уже при рассмотрении календаря и маршрута его эвакуационной одиссеи. В течение двух лет, с июля 1941 до октября 1943 года, Эфрон семь раз менял место жительства, три раза уезжал из Москвы и три раза в нее возвращался, преодолевая в эвакуационных эшелонах тысячи километров и проводя в пути в общем несколько недель.

Своего рода прелюдией к этому стало пребывание Эфрона с матерью в июле 1941 года в Песках, дачном поселке, расположенном в семидесяти километрах от столицы. С формальной точки зрения это еще не была эвакуация, а выезд Цветаевой с сыном на дачу Александра Кочеткова, подиктованный проблемами со снятием комнаты в Москве и страхом перед бомбежками города. Последовавшие затем, в августе 1941 года, рейс по Каме в Елабугу и двухнедельное в ней пребывание, завершенное самоубийством Цветаевой 31 августа, носили уже все оттенки полномасштабной массовой эвакуации.

Елабуга стала для Эфрона первым и мощным аккордом глубочайшей эвакуационной трагедии, вслед за которым пошли очередные травмогенные испытания: сиротство, одиночество, бесприютность, усиливавшаяся нищета, голод, физическое истощение и психическое расстройство. Похоронив мать, Эфрон 4 сентября 1941 года переехал в Чистополь, а через три недели, 25 сентября, отправился обратно в Москву, из которой уже спустя месяц, 29 октября, в разгар беженского катаклизма, вызванного объявлением властями массовой эвакуации города, уехал в Ташкент¹². В Узбекистане он провел почти два года, в Москву вернулся 27 сентября 1943 года. Эвакуация Эфрона формально закончилась, однако ему так и не удалось наладить жизнь. После трех месяцев учебы в московском Литературном институте он был призван в армию и в скором времени отправлен на фронт, где погиб 7 июля 1944 года.

Жизнь Эфрона с раннего детства была отмечена номадизмом, еще во Франции, в которой он провел детство, семья Цветаевых-Эфрон часто переселялась, однако эвакуационные переезды во многом отличались от прежних скитаний. Иными были их обстоятельства, организация и перспективы жизни на новом месте.

Негативные реакции Эфрона возбуждали сами условия путешествий сперва в подмосковный поселок, а затем в татарскую и узбекскую республики.

¹² Подробно об этом путешествии см.: Grzegorz Ojcewicz, «Gieorgija Efrona ewakuacja z Moskwy do Taszkientu jako egodokument czasów wielkiej wojny ojczyźnianej (30 października – 18 listopada 1941)», *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze*, 32 (2022), 1–24.

Он воспринимал их каждый раз с раздражением и отвращением. Длительный несколько часов переезд из Москвы в Пески Эфрон определил как кошмарный: «[...] мы были нагружены вещами [...]. Поезда набиты битком и отвратительны, жара ужасающая»¹³. Исчисляемый не часами, а днями рейс в Чистополь, в четвертом, худшем классе грязного и набитого толпой беженцев парохода, вызвал у Мура критическое отношение к советской действительности и национальному характеру русских: «Мы спим сидя, темно, вонь, но не стоит заботиться о комфорте – комфорт не русский продукт» (8 августа 1941, I 484), «Когда смотришь на всех этих людей, можно сказать одно: что все ненавидят организацию. Это просто какое-то сумасшествие, и оно специфически русское (не советское, а именно русское)» (13 августа 1941, I 495).

Важно подчеркнуть, что именно под влиянием эвакуации Эфрон освободился от иллюзии, связанных с коммунизмом, в которых его воспитал отец и с которыми парень приехал на родину родителей. В первый период жизни в СССР Эфрон, живущий на государственной даче в Болшеве, затем в писательском доме в Голицыне, был слабо знаком с настоящей жизнью рядовых советских людей, особенно тех из провинции. Он впервые увидел и испытал ее в Песках, Елабуге и Чистополе, которые открыли ему глаза на истинную картину Советского Союза, не соответствующую его теоретическим представлениям. Любовь Эфрона к стране родителей окончательно угасла осенью 1941 года, во время октябрьской московской паники и ноябрьского путешествия в Ташкент. Эфрон, доведенный до крайности примитивизмом пути: многочасовыми стоянками поезда, постоянной нехваткой пищи и теплой воды, невозможностью соблюдать элементарную гигиену и вшами, выразил свою фрустрацию вульгаризмом:

Сколько видишь вокруг себя несчастья, Бог ты мой! И как все нудно и противно. Вот уж говно, эта страна Советская! Хотя мне кажется, что не только от Советов все эти непорядки, вся эта грязь, весь этот страшный ужас. Все эти несчастья идут из глубокой русской сущности. Виновата Россия, виноват русский народ, со всеми его привычками (9 ноября 1941, II 104).

Вместе с прибытием к назначенной цели кошмар эвакуационных эшелонов и пароходов сменялся удручающими бюрократическими процедурами, связанными с проживанием, питанием и учебой. Их количество

¹³ Запись от 13 июля 1941 года. Цит. по: Efron, *Dnevnik. V dvukh tomakh*, t. I, 426. Остальные цитаты из дневников Эфрона приводятся по тому же изданию, с указанием, непосредственно в тексте, числа, тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

и запутанность отнимали у Эфрона много времени и сил, тем более что после смерти матери он был вынужден справляться с ними самостоятельно. О сложности бытовых вопросов в условиях военной эвакуации лучше всего свидетельствует первое ташкентское письмо Эфрона, написанное 26 марта 1942 года Самуилу Гуревичу, гражданскому мужу сестры Ариадны и другу семьи:

Исключительно длительная и сложная процедура с пропиской, документами, отысканием комнаты, ордерами и т. д., длилась свыше двух недель. На 16^й день после приезда я, наконец, прописался и стал ташкентским полноправным гражданином. Тратя все время на «познание» ташкентских возможностей, на выяснение, кто здесь живет и чем занимается, на отыскание источников питания и добывание каких-то продуктов, я не имел никакой возможности поступить в школу¹⁴.

Перед Эфроном, не могущим рассчитывать на помощь семьи, которой у него в принципе не стало после самоубийства Цветаевой, появлялись также постоянные и непреодолимые финансовые проблемы. Молодой человек, пытаясь любой ценой окончить десятилетнюю школу, чтобы потом поступить в вуз, и поэтому не имея возможности зарабатывать на жизнь, страдал от хронического безденежья и вызванного им голода. Помощь родственников: сестры Ариадны, пребывавшей в лагере, теток Елизаветы Эфрон и Зинаиды Ширкевич, живущих в Москве, а также нескольких друзей, в том числе прежде всего Гуревича, посылавших парню деньги, равно как и распродажа семейного имущества не были в состоянии обеспечить ему достойное существование.

Трагическим проявлением тяжелого материального положения Эфрона в Ташкенте и вызванного им нравственного падения стала кража, которую доведенный до карйности парень совершил дважды. Украл и продал вещи своей хозяйки и часы одной из своих знакомых. Угрызений совести по этому поводу Эфрон не ощущал, опасался лишь последствий со стороны милиции, поэтому обещал вернуть деньги. Настоящим преступлением, от которого все-таки не смог воздержаться, он считал продажу сборников стихотворений матери. Писал о ней так:

Вчера [...] продал [...] все книги, даже все книги М. [арины] И.[вановны]. И был сыт. Продавая эти книги, я гораздо более ощущал себя преступником, чем когда крал вещи [...] и часы [...]. Неизмеримо более! [...] Глупо и преступно против

¹⁴ Цит. по: Georgiy Efron, *Pis'ma Tsvetaevoy*, доступ 15.12.2024, <https://coollib.net/b/67711-georgiy-efron-pisma-m-i-tsvetaevoy/read>. Остальные цитаты из этого издания обозначены непосредственно в тексте числом и буквой П.

ее памяти то, что я продал эти ее книги с надписями ко мне: 'Моему сыну...' и т.д. Неужели я так мало ценю ее память и все наше общее прошлое? Ох, не знаю. Надо все оборвать – и все воскресить; начать новую жизнь, – но которая должна вернуть старое (4 июля 1943, II 284).

Существенную роль в эвакуационной жизни Эфрона играла и необходимость самому вести свое домашнее хозяйство. Для внезапно осиротевшего парня, балуемого матерью и не привыкшего заниматься традиционно женскими работами по дому, зато с детства чрезвычайно аккуратного, уход за комнатой и одеждой в условиях эвакуационной заброшенности не мог быть простым.

Именно эти мотивы мучительных повседневных забот занимают центральное место в дневниках Эфрона, особенно ташкентского периода. В них описаны проблемы со стиркой белья, чисткой обуви, покупкой новых костюмов, детально зафиксированы все доходы и расходы. Особенно часто Мур пишет о пище: о количестве покупаемых на базаре пирожков и булок, о вкусе блюд, которые ему удалось съесть в гостях или в столовой, о продуктах, полученных от знакомых. Записки 1943 года напоминают бухгалтерский учет, одновременно иллюстрируют нищенское положение недоедавшего Эфрона, отражают очередные этапы деградации его жизни вплоть до борьбы за выживание. Сестре он писал:

Весьма заедают дела хозяйственные; даже не знаю, радоваться или плакать. В отношении питания мое положение несколько улучшилось – но, чтобы получить какие-либо продукты, необходимо терять такую бездну времени, что нет времени и в школу пойти. У любого школьника и проблемы-то этой нет – пойдут мама или кто-либо еще. А я одновременно и домохозяйка и ученик десятого класса (13 декабря 1942, II).

На «мусор материальных трудностей» (13 августа 1941, I 495) Эфрон начал жаловаться в записках, создававшихся во время рейса из Москвы в Елабугу. Затем эта тема постепенно усиливалась и достигла апогея в начале 1943 года, когда Мур подвергся мобилизации в трудовую армию и с того времени постоянно опасался призыва в нее. В дневнике и письмах этого периода сгущаются мрачные краски, в каких Эфрон рисует свою жизнь, усиливается пессимистическая тональность повествования, выражающаяся в ряду отрицательных образов («бездна», «катастрофа», «сплошной хаос, настоящий кошмар», «полнейший распад и разложение», «грязь», «ужас», «сумбур, бред, кошмар из кошмаров», «сплошное уродство»). Иногда Мур,

обессилевавший от беспрестанных ударов судьбы, которые отнимали у него время и силы, давал в дневнике исход усталости и отчаянию:

О Боже, Боже, как все надоело и опротивело. Надоела и опротивела школа: все те же лица, те же шутки, те же отупляющие скучнейшие предметы и те же дубины-учителя. Надоела улица – вульгарная и крикливая. Надоело и опротивело собственное «я» – без руля и без ветрил, злое и пессимистическое. Надоела грязь, надоели голод и безденежье. Все – противно, от всего тошнит; вот уж буквально *la nausée* [тошнота]. Одного только хочется – жратвы. [...] Эх, деньги, деньги! Только они и нужны. Но как я устал от этой грубой, грязной, глупой жизни. Чем кончится моя ташкентская авантюра? Мобилизацией на трудфронт или в армию, возвращением в Москву, оставанием в Ташкенте? Я живу в предчувствии катастроф (16 мая 1943, II 230-231).

Отрицательное воздействие эвакуации на жизнь Эфрона поставило под вопрос все его будущее, в том числе прежде всего дальнейшую учебу, которой он придавал основное значение и знакомство с Дмитрием Сеземаном (Митькой), единственным настоящим другом, так же воспитанным во Франции и являвшимся последним звеном, которое соединяло Эфрона с Францией. Для сына Цветаевой, с раннего детства росшего среди книг, впитавшего любовь к литературе с молоком матери и мечтавшего стать литературным критиком и писателем, весьма важным достоинством жизни в Москве была также приобщенность к ее культурной жизни – библиотекам, книжным магазинам и театрам.

Еще до выезда в Елабугу Мур предчувствовал, что эвакуация лишит его возможности реализовать жизненные планы. Предвкушением приближающихся утрат стало пребывание в Песках, которое несмотря на его кратковременность и хорошие бытовые условия воспринималось парнем как насильственное и поэтому невыносимое. Вынужденная бездейственность, разлука с друзьями, Митькой и Валею Предатько, узкий круг товарищей дачной жизни, не соответствующих парню ни по своему возрасту, ни по интеллектуальному уровню, а также обострившееся ощущение собственной зависимости не только от матери, но и – ввиду ее беспомощности – также от других людей, вызвало негодование Эфрона, которое он формулировал с присущим себе юношеским максимализмом, в инвективной лексике:

Скука и сплошной бред. Что я здесь, собственно говоря, делаю? [...] Все меня раздражает, а мать в особенности. Идиоты! [...] Идиоты, не достигшие за многие годы жизни ничего больше, чем житье на лето в Песках, с плохо организованным питанием и благодушными разговорами! Все это меня бесит. Нет, для деревни я не сделан. Чертовски хочется в Москву (16 июля 1941, I 450–451).

Противопоставление Москвы и Песков, т.е. культурного центра и провинции, лишенной культуры, в записках елабужского периода усиливается и пополняется новыми смыслами. Татарский городок, до-эвакуационная численность которого составляла всего 15 тысяч жителей, в котором не хватало электричества, туалета, свежих газет, и не было никакой культурной жизни, показался Эфрону «замызганным городишком», «паршивой деревней» (18 августа 1941, I 515, 516), «дырой» (26 августа 1941, I 537) и «глушью» (22 августа 1941, I 528). Он предстал как *locus horribilis* (ужасное место), в описаниях которого повторяются: грязь, болото, дождь, содранные обои, а также проститутки и хулиганы, которыми заполнен город. Применяются также эпитеты, несущие негативную эмоциональную нагрузку, как: плёвый, мерзкий, отвратительный, уродливый, паршивый. По всей своей сути городок ярко противоречил метропольному образу жизни, к которому привык и которым дорожил Эфрон. Приезд в Елабугу виделся ему именно в перспективе недавнего французского прошлого и воспринимался то ли как культурная деградация, то ли как нравственная измена собственным идеалам: «Подумать только, в какой я сейчас глуши, как отдалился от Европы и культуры! В Елабуге грязно, люди – рожи. Вонь, скука, пьяные. Как я выберусь на поверхность? » (22 августа 1941, I 528), «У меня такое чувство, что я, бежав сюда, предал самого себя. [...] Что я делаю в Елабуге, с грязью и дождем – с моей любовью к французской литературе, к Франции, к мировой политике?» (26 августа 1941, I 537). Также Чистополь воспринимался Эфроном как часть «вонючей, провинциальной, засасывающей тины» (21 сентября 1941, II 28), из которой парень изо всех сил пытался вырваться обратно в Москву.

Провинцией оказался для Эфрона также Ташкент, культурная и интеллектуальная жизнь которого не могла равняться по своей интенсивности и разнообразию с Москвой и тем более с Парижем, духовный климат которого Мур успел почувствовать. Правда, парню удалось закончить в Ташкенте десятилетнюю школу, он участвовал в литературных мероприятиях, организованных эвакуированными писателями, и даже пробовал активно включиться в них, работая весной 1943 года над собственным проектом – альманахом «Улисс», но это не уменьшало в нем критического отношения как к литературной среде города, в которой не нашел единомышленников, так и к собственному пребыванию в нем, которое виделось ему в категориях изгнания, прозябания, духовной смерти. Записки и письма Эфрона ташкентского периода четко показывают, что эвакуация сказалась отрицательным образом и на его творческом пути, который начался еще до войны. Решение

стать литературным критиком, писателем и переводчиком выкристаллизовалось у Эфрона на протяжении 1941–1943 годов и повлекло за собой систематическую подготовку к избранной профессии: чтение книг, конспекты первых статей, первые собственные «пробы пера». Ни в Татарии, ни в Узбекистане Эфрон не нашел благоприятных условий для литературного созревания. Мешала ему не только необеспеченность и непрочность скитальческой жизни и вызванные ею психические травмы, но и ненормальные, нарушенные эвакуацией формы культурной жизни Ташкента: уменьшенный состав литературной среды, при этом занятой больше выживанием нежели творческими вопросами, ограниченность событий около- и внутрилитературного порядка, убожество книжного рынка. Эфрон жаловался на свое литературное одиночество, отсутствие тех межличностных стимулов, которые он считал необходимыми для своего развития как начинавшего писателя: «Что за судьба у меня – вечно оставаться одиноким? Я хоть люблю и ценю одиночество, но в таких колоссальных дозах, в которых оно преподносится, оно вредно, и можно совсем сойти с ума так» (29 июля 1943, II 310).

Созданные Эфроном в дневниках и письмах обширные зарисовки елабужского, чистопольского и ташкентского захолустья противоречат тому образу эвакуации, который глубоко укоренился в советском и российском сознании, разоблачают миф эвакуированных, с достоинством переносящих жизненные неудобства и разлуку с близкими во имя борьбы с немецкими захватчиками. Эвакуация оказалась для Мура полным распадом прежних форм жизни, экстремальным опытом, который вырвал его из повседневности и радикальнейшим образом столкнул с одиночеством, смертью, голодом и нищетой, привел к физическому истощению и душевному изнеможению, став в результате преддверием к его скорой смерти на фронте, в июле 1944 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dilorom, Alimova. «Paradoksy voyny: mezhnatsyonal'noe soglasiye i sblizheniye kul'tur, kak resurs pobedy». *Eshelony idut na vostok. Evakuatsiya v Uzbekistan v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvashchonnoy 75-letyu Velikoy Pobedy*, 19–23. Orenburg: ООО ИПК «Университет», 2019 [Дилором, Алимова. «Парадоксы войны: межнациональное согласие и сближение культур, как ресурс победы». *Эшелоны идут на восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной Войны. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию Великой Победы*, 19–23. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019].

- Efron, Georgiy. *Dnevniky. V dvukh tomakh*. Podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina, Veronika K. Losskaya. Moskva: Vagrius, 2004 [Эфрон, Георгий. *Дневники. В двух томах*. Подгот. текстов, предисл. и примеч. Елена Б. Коркина, Вероника К. Лосская. Москва: Вагриус, 2004].
- Efron, Gieorgij. *Dzienniki 1940–1943*. T. I–III. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe Grzegorz Ojcewicz. Szcztyno: Wydawnictwo «GregArt», 2019–2021.
- Efron, Gueorgui (Murr). *Journal (1939–1943)*. Traduit du russe par S. Goblot, préface, notes et révision de la traduction Véronique Lossky, postface Caroline Bérenger. Genève: Éditions des Syrtes, 2014.
- Efron, Georgiy. *Neizvestnost' budushchego. Dnevniky i pis'ma 1940–1941 godov. S risunkami avtora (publikuyutsa vperve)*. Podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina, Veronika K. Losskaya, A.I. Popova. Moskva: AST i RGALI, 2018 [Эфрон, Георгий. *Неизвестность будущего. Дневники и письма 1940–1941 годов. С рисунками Георгия Эфрона (публикуются впервые)*. Подгот. текстов Елена Б. Коркина, Вероника К. Лосская, Алина И. Попова. Москва: АСТ и РГАЛИ, 2018].
- Efron, Georgiy. *Pis'ma*. Moskva: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy–Bol'shevo: Muzei M. I. Tsvetaevoy, 2002 [Эфрон, Георгий. *Письма*. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой–Болшево: Музей М. И. Цветаевой, 2002].
- Efron, Georgiy. *Pis'ma*. Sost., podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina. Kaliningrad: Luch, 1995 [Эфрон, Георгий. *Письма*. Сост., подгот. текстов, предисл. и примеч. Елена Б. Коркина. Калининград: Луч, 1995].
- Efron, Georgiy. *Pis'ma Tsvetaevoy* [Эфрон, Георгий. *Письма М.И. Цветаевой*]. Доступ 15.12.2024. <https://coollib.net/b/67711-georgiy-efron-pisma-m-i-tsvetaevoy/read>.
- Éfron, Georgij. *Tagebücher. Band I (1940–1941), Band II (1941–1943)*. Aus dem Russischen und Französischen übersetzt von Gertraud Marinelli-König. Wien: Hollitzer Verlag, 2022.
- Efron, Georgiy. *Zapiski parizhanina. Dnevniky, pis'ma, literaturnye opyty 1941–1944 godov. S risunkami avtora (publikuyutsa vperve)*. Podgot. tekstov, predisl. i primech. Yelena B. Korkina, Veronika K. Losskaya, Alina I. Popova, Moskva: AST i RGALI, 2018 [Эфрон, Георгий. *Записки парижанина. Дневники, письма, литературные опыты 1941–1944 годов. С рисунками автора (публикуются впервые)*. Подгот. текстов Елена Б. Коркина, Вероника К. Лосская, Алина И. Попова. Москва: АСТ и РГАЛИ, 2018].
- Efron, Gieorgij. *68 listów z piekła sowieckiego raju. 1940–1944*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe Grzegorz Ojcewicz. Szcztyno: Wydawnictwo «GregArt», 2022.
- Éfron, Georgij. *Tagebücher. Band I (1940–1941), Band II (1941–1943)*. Aus dem Russischen und Französischen übersetzt von Gertraud Marinelli-König, Wien: Hollitzer Verlag, 2022.
- Eshelony idut na vostok. Evakuatsya v Uzbekistan v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvashchonnoy 75-letyu Velikoy Pobedy*, Orenburg: OOO IPK «Universitet», 2019 [Эшелоны идут на восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной Войны. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019].
- Georgiyeva, Natalya. «Memuary kak fenomen kul'tury i kak istoricheskiy istochnik». *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 1 (2012): 126–138 [Георгиева, Наталия. «Мемуары как феномен культуры и как исторический источник». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, № 1 (2012): 126–138].

- Gromova, Natal'ya. *Noyev kovcheg pisateley. Evakuatsiya. 1941–1945. Chistopol'. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata*. Moskva: Corpus, 2019 [Громова, Наталья. *Ноев ковчег писателей. Эвакуация. 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата*, Москва: Corpus, 2019].
- Medick, Hans. «Mikroistoriya». Perevod T. I. Dudnikovoy. *Thesis*, no. 9 (1994): 193–202 [Медик, Ханс. «Микроистория». Перевод Т. И. Дудниковой. *Thesis*, № 9 (1994): 193–202].
- Ojcewicz, Grzegorz. «Gieorgija Efrona ewakuacja z Moskwy do Taszkientu jako egodokument czasów wielkiej wojny ojczyźnianej (30 października – 18 listopada 1941)». *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze*, nr 32 (2022): 1–24.
- Szulakiewicz, Władysław. «Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych». *Przegląd Badań Edukacyjnych* 1, nr 16 (2013): 65–84.
- Zarietskiy, Yuriy. «Ego-dokumenty soetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya». *Neprikosnovennyy zapas*, no. 3 (2021): 184–199 [Зарецкий, Юрий. «Эго-документы советского времени: термины, историография, методология». *Неприкосновенный запас*, № 3 (2021): 184–199].
- Zhukova, Ol'ga Germanova i Zebunnisoi Bokhirzod Saidpur. «Evakuatsiya rossiyskoy intelligentsii v Uzbekistan kak paradoks povsednevnosti Velikoy otechestvennoy voyny». *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (2021): 59–69 [Жукова, Ольга Германова и Зебуннисон Бохирзод Саидпур. «Эвакуация российской интеллигенции в Узбекистан как парадокс повседневности Великой отечественной войны». *Научные труды Московского гуманитарного университета*, № 2 (2021): 59–69].
- Zimand, Roman. *Diarysta Stefan Ż.* Wrocław: Ossolineum, 1990.